

Ирина Александровна Герчикова

Кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: geririna@inbox.ru

Государство и литература в социалистической Чехословакии. «Вкус власти» Л. Мнячко

Статья посвящена чехословацкой литературе периода 1948–1989 гг., отражавшей отношение к государственной власти, развитие которой можно разделить на три этапа развития. Первое десятилетие (конец 1940-х — 1950-е годы), когда государство активно вмешивалось в культурную жизнь и разработало методы управления художественным творчеством, характеризовалось безоговорочным принятием и восхвалением в литературе завоеваний социализма («производственный роман» и о коллективизации, авторы Алена Бернашкова с романом «Путь открыт»; Вацлав Ржезач, ярко выразивший пафос социалистического строительства, дилогия «Наступление» и «Битва»; Богумил Ржигга, поэты Йозеф Кайнар, Ян Пиларж, Властимил Школауди и др.). В конце 1950-х — 1960-е годы литературные произведения отличались критикой догматизма и поиском модели «социализма с человеческим лицом», мечтой о некоем «чешском» или «третьем пути» для Чехословакии, которая могла бы преодолеть отрицательные стороны как коммунистической, так и капиталистической системы (Иржи Марек, Йозеф Несвадба, Иржи С. Купка и др.). И третий этап (1969–1989) — эпоха «нормализации» с официальной подцензурной литературой, обслуживающей интересы государства, а также «самиздат» и эмигрантская литература с жесткой критикой и осуждением тоталитаризма (Милан Кундера, Йозеф Шкворецкий, Эгон Гостовский, Карел Пецка и др.). Основное внимание уделено первому и второму этапу в силу меньшей изученности. Жизнь и творческий путь Ладислава Мнячко, журналиста и писателя, выдающегося деятеля словацкой культуры, незаслуженно мало исследованы. Его роман «Вкус власти» — политический памфлет и психологический анализ власти и механизма ее разложения, жесткий и бескомпромиссный суд над тоталитаризмом.

Ключевые слова: литература Чехословакии, социалистический реализм, управление художественным творчеством, критика тоталитаризма, Ладислав Мнячко

Цитирование: *Герчикова И. А.* Государство и литература в социалистической Чехословакии. «Вкус власти» Л. Мнячко // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 261–278. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.11.

Отношения чехословацких писателей с государственными органами и литература социалистической Чехословакии развивались по-разному на трех исторических этапах. Первый (конец 1940-х — 1950-е годы) характеризовался полным принятием и восхвалением завоеваний социализма, второй (конец 1950-х—1960-е годы) — критикой догматизма и поиском модели «социализма с человеческим лицом». Третий (1969—1989) — эпоха «нормализации», наиболее полно изученный в отечественном литературоведении.

На этом последнем этапе эпохи социализма оформились и стали параллельно существовать «самиздат», не менее бескомпромиссная эмигрантская литература и официальная литература, подцензурная, обслуживающая интересы государства. Последняя широко представлена, в частности, в книге Р. Р. Кузнецовой «Роман 70-х годов в Чехословакии»¹. Авторы, эмигрировавшие после 1968 г. или оставшиеся в стране во «внутренней эмиграции» с их жесткой критикой и осуждением тоталитаризма, стали главной движущей силой культуры в 1990-е годы. Тема эмиграции зазвучала с особой силой и до сих пор чрезвычайно актуальна в Чехии. Еще в 1993 г. в Оломоуце был создан Центр чехословацкого эмигрантоведения (*Centrum pro československá exilová studia (CČE, FF UP)*). На русском языке написана диссертационная работа А. А. Боярской о прозе чешской эмиграции 1980–1990-х годов², многочисленные работы о самом известном эмигранте Милане Кундере (род. в 1929 г.)³, произведения которого переведены на русский язык наряду с созданными Йозефом Шкворецким (1924–2012). Подробно характеризуется эпоха 1969–1989 гг. в моей статье «Советская литературоведческая богемистика периода нормализации»⁴.

Менее изученными и незаслуженно забытыми являются авторы, писавшие в 1950–1960-е годы, во многом подготовившие творчество тех, чьи голоса зазвучали уже в свободной демократической Чехословакии последнего десятилетия XX в. Не вспоминают и не включают в программы истории чешской литературы для филологов авторов, восхвалявших режим, слабых, но идейно правильных. Между тем они остаются частью истории литературы и тем литературным

¹ Кузнецова 1980.

² Боярская 2010.

³ См., например: Шерлаимова 2014.

⁴ Герчикова 2021.

опытом, проанализировать который как порождение и свойство современной культуры во всем ее многообразии сегодня чрезвычайно важно.

Общественно-политическая ситуация в Чехословакии после февраля 1948 г., когда произошел политический переворот, благодаря которому к власти пришла Коммунистическая партия Чехословакии, обусловила серьезный сдвиг в национальной культуре. Это означало конец демократии в обществе и начало нового времени. Времени, которое принесло стране немало негативного: преследование политических оппонентов, принудительные трудовые лагеря, изменения в политической и экономической системе, а также подчинение интересам Советского Союза. Государство стало активно вмешиваться в культурную жизнь. Клемент Готвальд (1896–1953) в книге «О культуре и задачах интеллигенции» четко обозначил границы дозволенного⁵. В 1954 г., уже после его смерти, вышел под одноименным названием сборник, где было собрано 50 статей, писем и текстов выступлений за четыре года правления «самого отвратительного деятеля чешской истории»⁶. Очевидно, какое значение придавалось в годы его правления пропаганде, агитации, «идеологическому очищению» (*ideologická očista*). Печально известный под этим названием Закон № 213 от 21 июля 1948 г. запрещал на законодательном уровне всякое инакомыслие. Культурная политика этого периода подробно рассмотрена в книге чешского историка Иржи Кнапики «В плену власти. Культурная политика, ее система и исполнители. 1948–1956»⁷.

4–6 марта 1949 г. состоялся съезд новообразованного Союза чехословацких писателей, обозначенный в прессе как «совещание инженеров человеческих душ». На съезде был провозглашен как единственный возможный творческий метод — социалистический реализм — в противовес «террору модернизма», как это прозвучало

⁵ *Gottwald K.* O kultuře a úkolech inteligence. Praha: Ministerstvo informací, 1948. 110 s.; ср.: *Idem.* O kultuře a úkolech inteligence v budování socialismu. Praha: Státní nakl. politické literatury, 1954. 115 s.

⁶ Nejzápornější postavou českých dějin je podle ankety Gottwald // Reflex.cz. 13.06.2015. URL: https://www.reflex.cz/clanek/zajimavosti/64612/nejzapornejsi-postavou-ceskych-dejin-je-podle-ankety-gottwald-nelibi-se-ani-havel-a-zeman.html?fb_comment_id=955604904490800_955931154458175 (дата обращения: 30.03.2022).

⁷ См.: Кнапík 2006.

в программном выступлении Яна Дрды (1915–1970)⁸. Участникам съезда соцреализм был подан как «направление, исходящее из тесной взаимосвязи художников с трудовыми усилиями в хозяйственной сфере и в то же время предполагающее подчинение творческого субъекта высшим коллективным интересам (то есть построению социализма) и личную идейно-политическую активность художника»⁹.

Искусство и культура Чехословакии с конца 1940-х годов были поставлены на службу новой власти и рассматривались в рамках авторитарного правления. Все сферы общественной жизни подчинялись полицейскому контролю этой власти. Введя жесткую цензуру, утверждая, как единственно правильный метод социалистического реализма, государственные органы начали клеймить позором писателей, пытавшихся «отравить сознание» строителей коммунизма.

Эпоха социалистического реализма в Чехословакии охватывает время с 1934 по 1956 г. Этот период имел две фазы: довоенную, которая характеризуется как недогматическая и имевшая определенную художественную ценность, и фаза 1950-х годов, которая, как подчеркнул Я. Яначек, представляется схематичной, (конъюнктурной) и деструктивной¹⁰. Литература 1950-х годов была призвана стать иллюстрацией политических событий. Использовались реальные факты недавней истории: борьба с фашизмом и освобождение страны Советской армией, героизм трудовых будней народа, поднимавшего страну в послевоенные годы, первая пятилетка, коллективизация, прежде всего ее первый этап (1952–1953 гг.), сопровождавшийся репрессиями, о чем, естественно, не упоминалось. О методах управления художественным творчеством написано в Чехии в последнее время очень много, вообще тема тоталитарной модели литературы конца 1950-х — начала 1960-х годов стала весьма популярной.

В СССР с помощью административных мер (небезызвестное постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» 1932 г. и решения Первого съезда советских писателей 1934 г.) литераторам предписали творить в духе созидания, выражать всяческий оптимизм, углублять идею активной личности, при этом

⁸ В 1949–1956 гг. Я. Дрда занимал пост председателя Союза писателей. В 1968 г. он, однако, открыто выступил против военного вторжения стран Варшавского договора.

⁹ Janoušek 2012: 90.

¹⁰ Janáček 2007: 16.

высшими ценностями должны быть декларированы партия и вождь. Героем был объявлен не человек = личность, а нечто абстрактное — пролетарский труд. И в Чехословакии новый Союз писателей после упомянутого съезда марта 1949 г. под давлением идеологического фактора поставил задачу держать за образец советскую литературу. С этого момента главным жанром стал «производственный роман», достигший апогея к середине 1950-х годов. Общеизвестно, что у истоков производственного романа стояли два произведения советских авторов: «Доменная печь» Н. Н. Ляшко (1884–1953) и «Цемент» Ф. В. Gladкова (1883–1958). Оба вышли в свет в 1925 г. В Чехословакии производство и жизнь рабочего человека также занимали известных писателей, и в конце 1920-х годов появились романы классиков Ивана Ольбрахта (1882–1952) «Анна пролетарка» (1928) и «Сирена» (1935) Марии Майеровой (1882–1967).

После Второй мировой войны главной темой стала оккупация, борьба с фашизмом, а с конца 1940-х — трудовая жизнь. Та самая Майерова, ратовавшая в середине 1930-х годов за улучшение условий труда рабочего, в 1950-х как убежденная коммунистка призвала творить новое искусство, озаренное Великим Октябрем¹¹. Для периода конца 1940-х и практически всех 1950-х годов характерна конфронтация большинства программных процессов в литературе со старой литературной традицией, особенно с литературным авангардом Первой республики. Это было связано с требованием коммунистов пересмотреть так называемое культурное наследие. Требование было основано на ленинском тезисе о существовании двух культур в каждой национальной культуре: прогрессивной, отражающей интересы рабочего класса и участвующей в разрушении несправедливого общества, и упадочнической, действующей в соответствии с потребностями эксплуататоров. Поэтому представлялись необходимыми переоценка традиции чешской культуры и определения, что же с современной точки зрения можно охарактеризовать как «прогрессивное» в развитии, а что, наоборот, как «реакционное». Производственный роман полностью соответствовал поставленной партией задаче.

Симптоматичным является роман Алены Бернашковой (1920–2007) «Путь открыт» (1950). Он вышел на русском языке в 1951 г. в «Издательстве иностранной литературы» в переводе и с комментариями

¹¹ *Majerová. M. Umělci Říjnu // Literární noviny. Č. 45. 1957. 9 XI: 1, 3.*

С. А. Шерлаимовой (1927–2019), в свою очередь переведенными на чешский, так как «голос из Москвы» всегда был определяющим при выборе достойных произведений. Это роман о том, как рабочий класс Чехословакии под мудрым руководством КПЧ борется за восстановление разрушенного во время войны химзавода. Здесь имеются немцы — отъявленные карикатурные злодеи, способные лишь убивать и мучить, чехи, строители светлого будущего, сомкнувшие ряды в едином порыве энтузиазма, и русские — с ними связано это будущее, а день сегодняшний — это праздник, песни и радость. При всей, казалось бы, наивности роман демонстрирует искреннюю веру в идеалы коммунизма, воспекает азарт молодости и непоколебимую волю.

Созвучное мыслям Бернашковой мы найдем у Вацлава Ржезача (1901–1956), ярко выразившего пафос социалистического строительства в Чехословакии. Он автор двух романов неоконченной трилогии: «Наступление» (1951 г., в русском переводе — 1953 г.), «Битва» (1954 г., в русском переводе 1956 г.). У Ржезача, как выдающегося, правильного автора, проповедника наивысших непрекращаемых ценностей, вышло уже во времена «перестройки», в 1987 г., собрание сочинений в трех томах в издательстве «Художественная литература». Обе части опуса Ржезача имеют короткие, но лаконичные названия, которые достаточно четко характеризуют их основную идею. Речь идет о заселении северочешской приграничной деревни, куда возвращаются чехи после изгнания немцев. Немцы, которые все еще прячутся здесь, на чехов периодически нападают. Столкновение с только что переехавшими чехами становится неким символом классовой борьбы. Немцы являются олицетворением старого (враждебного) мира, в то время как чехи описываются как цивилизованная и сознательная нация, добившаяся успеха в продвижении социализма на бывшей территории Германии. Центральным мотивом становится стремление обеспечить выполнение страной пятилетки. Персонажи в «Битве» выбраны в соответствии с требованиями времени. Легионер, землевладелец, судья, наследник владельца завода и бывший боец Сопротивления, авиатор *RAF* (*Royal Air Force* — Королевские Военно-воздушные силы Великобритании), все они изображены здесь как противники коммунистического движения, а их поведение отражает моральный упадок буржуазного общества. Кроме того, представленные типы, реакционеры, должны, по задумке автора, наглядно показать неподобающие антинародные настроения.

Иллюстрацию борьбы двух миров мы найдем в еще одном характерном произведении Богумила Ржиги (1907–1987). В романе «Две весны» (1952) для разнообразия — деревенская тематика, здесь мы видим начало коллективизации. Весна 1945 и 1949 г. показывает изменения, которые произошли с момента антифашистского восстания до начала борьбы за коллективизацию в приграничной деревне. Освобождение страны от оккупантов и ликвидация на селе старого капиталистического строя представлены как достижение новой власти, государства, реализовавшего мечту трудящихся об идеальном мироустройстве (в данном случае сельхозкооператива, чешского колхоза). В то же время «автор ввел обязательный мотив мирного сосуществование чехов и красноармейцев, которые жили здесь некоторое время после окончания Второй мировой войны. Эти солдаты изображены как главные советчики, направляющие местных коммунистов и помогающие в деревне реализовать мечту — сельхозкооператив¹². На русский язык переведено и издано в 1962 г. и другое эпохальное двухтомное произведение Ржиги «Мужик» («Издательство иностранной литературы») о становлении социалистической деревни.

От Ржиги по части отражения преобразований в деревне не отставали и словацкие авторы. Франтишек Гечко (1905–1960) в программном романе «Деревянное село» (1951) отразил переход от патриархальной капиталистической деревни, погрязшей в примитивном индивидуальном труде, к социалистическому коллективному производству. Другие словацкие писатели — Рудольф Яшик, Альфонз Беднар, Ладислав Бенё в едином порыве славили социалистические завоевания, сосредоточившись в первую очередь на социальных проблемах на селе. То есть словацкий производственный роман был скорее «романом о коллективизации».

Сформировалось новое направление — «производственная поэзия», славившая социализм. Радость и оптимизм, ощущение принадлежности к великому делу социалистического строительства выразил Йозеф Кайнар (1917–1971), активный участник социалистических преобразований. Его стихи раскрывали поэзию трудовых будней, разоблачали мещанство, рутину (сборники «Большая любовь», 1950; «Чешская мечта», 1953). В сборнике «Радость на земле» (1950) радовался преобразованиям деревни Ян Пиларж (1917–1996).

¹² Janoušek [a kol.] 2008: 284.

А Властимил Школауди (1920–2003), дебютировавший со сборником любовной лирики «Вспышки» (1945), где еще были вполне человеческие эмоции, увлеченность природой и красотой обыденных вещей, перешел постепенно, но вполне целенаправленно к политически ангажированным стихам. О стремлении соответствовать запросам времени и быть на волне революционных изменений социалистического общества свидетельствуют сами названия его сборников: «Голос эпохи» (1950), «Во имя жизни» (1953), посвященный безвременной кончине Сталина и Готвальда, «Рассвет» (1954).

Конечно, производственный роман и подобная литература не были единственной «ценностью» того времени. Были и книги о холокосте («Жизнь со звездой» (1949) Иржи Вайля (1900–1959)), попытки обращения к внутреннему миру человека («Гражданин Брих» (1955) Яна Отченашека (1924–1979), «Иди за зеленым светом» (1956) Эдуарда Валенты (1901–1978)), лирическая проза Людвика Ашкенази (1921–1986), философская поэзия Яна Забраны (1931–1984), «литература факта» (Мирослав Иванов (1929–1999), Людвиг Соучек (1926–1978)). Но такие произведения тонули в общем потоке идеологизированной литературы на службе режима, созданной теми, кто жаждал быть обласканным властью, получить признание и все мыслимые привилегии. В то самое время, когда поэт и переводчик Йозеф Паливец (1886–1975), прозаик-экзистенциалист Иржи Муха (1915–1991), католический автор Зденек Ротрелк (1920–2013) отбывали сроки в тюрьме за «антигосударственную деятельность», а теоретик литературы, публицист, философ Завиш Каландра (1902–1950) был казнен 8 июня 1950 г. как руководитель троцкистской группы, стоявший якобы во главе заговора с целью свержения коммунистического режима.

На примере произведений «классиков», переведенных на русский язык и изданных большими тиражами, видно, какой социальный заказ они выполняли. Партия и социалистическое государство нуждались во всемерной поддержке и одобрении их деятельности. Важно было, чтоб этот заказ выполнялся с воодушевлением и искренней верой. Как писал в 1971 г. Штепан Влашин (1923–2012), литературный критик и историк, активный функционер КПЧ:

Политика Коммунистической партии Чехословакии притягивала и вдохновляла прогрессивных писателей-гуманистов прежде всего

потому, что коммунисты не довольствовались лишь борьбой за ежедневные интересы трудящихся, но и поставили себе целью осуществление революционного преобразования всего общества. Эта работа показывает развитие чешской литературы за последние пятьдесят лет в качестве борьбы социализма с мещанством, коллективизма с частными интересами, революционной перспективы с застоём¹³.

И, конечно, писали «чешские гуманисты», как и советские писатели, «по указке своего сердца», как высказался в 1954 г. М. А. Шолохов (1905–1984)¹⁴. Ведь сердца их принадлежали партии и народу, которым они и служили своим искусством.

Жестоко ли они заблуждались или искренне верили? Еще в 1929 г. семь представителей чешской культуры выступили против большевизации КПЧ и подчинения ее директивам Коминтерна. Это был известный «Манифест семи». Тогда из компартии вышли и певцы рабочего класса И. Ольбрахт и М. Майерова, Владислав Ванчура (1891–1942), Станислав Костка Нейман (1875–1947) и другие. В 1950-е годы некоторые вновь вступили в обновленную КПЧ. В этот период искренними и преданными коммунистами, верными сталинистами стали представители младшего поколения М. Кундера, Павел Когоут (род. в 1928 г.), Людвик Вацулик (1926–2015), Иван Клима (род. в 1931 г.), Антонин Ярослав Лим (1924–2020). В конце 1960-х годов они не ушли сами, а были исключены из партии, а впоследствии стали самыми яркими антикоммунистами, известными эмигрантами и диссидентами. Эти авторы всю жизнь переживали травму, связанную с тяжелым выбором писателя — быть политически ангажированным и писать по указке партии или же утверждать самоценность художественного творчества независимо от политики.

С середины 1950-х годов начался период, связанный с процессами обновления общественной и художественной жизни. После XX съезда КПСС в Чехословакии наступила своя «оттепель». С. А. Шерлаимова, продвигавшая «правильных» писателей в начале 1950-х годов, приветствовала литературную прессу 1960-х, ставшую, по ее словам, «организатором движения Пражской весны». Достаточно было лишь немного ослабить цензуру, разрешить некоторую самостоятельность

¹³ Vlašín 1971: 4.

¹⁴ Шолохов М. А. Речь на Втором Всесоюзном съезде советских писателей // Собрание сочинений: в 8 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 8. Рассказы, очерки, фельетоны, статьи, выступления. С. 305.

литературных сообществ и вернуть процесс в прежнюю колею оказалось уже невозможным¹⁵. Чехословацкие «шестидесятники» не разуверились в социализме как таковом. Просто они стремились построить другой социализм — с человеческим лицом. Еще в мае 1963 г. состоялся III съезд Союза чехословацких писателей, который отразил тенденции демократизации, постепенно набиравшие силу в литературной среде. Писатели, критикующие догматический марксизм, были избраны в состав Союза (председателем стал Иржи Шотола (1924–1989)). Снова появилась возможность публиковаться запрещенным «реакционерам» — Вацлаву Черному (1905–1987) и Й. Шкворецкому, дебютировал в литературе Богумил Грабал (1914–1997) и другие авторы. С 1964 г. начал выходить новый, идеологически свободный, ежемесячник *Tvář* («Лицо»). Однако отношение Союза чехословацких писателей к продвижению принципов демократизации было неоднозначным, поэтому его критиковал, например, Вацлав Гавел (1936–2011), говоря об «уклончивом мышлении». В июне 1967 г. уже на IV Съезде чехословацких писателей концепция социалистической культурной политики подверглась жесткой критике. Людвик Вацулик произнес знаменитую речь, в которой требовал свободы слова и отмены цензуры, за что был исключен из партии.

В короткий период «оттепели» зазвучали голоса Кундера, Вацулика, Климы, Шкворецкого, Карела Пецки (1928–1997), Эгона Гостовского (1908–1973), оказавшихся позднее в эмиграции или полностью запрещенных на родине и печатавшихся в самиздате. Они хорошо известны. За рубежом и, в частности, в самиздате, их критическое отношение к коммунистической власти и к тоталитаризму вообще выражалось достаточно смело и без каких-либо купюр. Хотя Кундера, единственный из ныне живущих, издавался и изображал комичными не только коммунистов, но и диссидентов, как, например, в «Вальсе на прощание», а также собратьев-эмигрантов, как в «Книге смеха и забвения». Он при всех режимах всегда был неудобным писателем.

В первой половине 1960-х годов вышли книги и менее известных авторов, творивших на родине и передавших главный пафос того времени и видение роли государства, место в нем человека, его ответственности за происходящее. На волне поисков начала 1960-х эти

¹⁵ Шерлаимова 2012: 304.

авторы создали произведения, где не было огульной критики тоталитаризма и обвинения коммунистической власти, но поднимался вопрос об активной позиции человека и с потрясающей прозорливостью говорилось о времени, которое наступит через несколько десятков лет.

Так, в 1964 г. вышел роман Йозефа Несвадбы (1926–2005) «Диалог с доктором Донгом», в котором рассказано о коммунистическом фанатике, допустившем обман и подтасовку ради доказательства равноправия рас. Автор поставил вопрос, может ли общество даже во имя гуманных целей допустить обман и ложь, может ли цель оправдывать средства и возможно ли вообще искажение истории в угоду политике. Книга, написанная в конкретно-исторической ситуации, когда назревал кризис в международном коммунистическом движении, не потеряла своей актуальности и сегодня.

В романе Иржи Марека (1914–1994) «Век блаженства» (1967) нарисован некий фантастический мир будущего, где осуществлен тотальный контроль над людьми путем полной автоматизации, внедрения, говоря современным языком, «биометрической аутентификации», разработанной по заказу государственных институтов, а именно, правоохранительных органов и спецслужб. Олдос Хаксли (1894–1963) в «Дивном новом мире» (1932) и «Возвращении в дивный новый мир» (1958) нашел в будущем пугающие приметы тоталитарного общества, которое безнадежно движется к катастрофе. Никакого просвета в этом будущем он не увидел. Марек, несмотря на трагический конец своего героя, профессора Максимуса, боровшегося с тупым следованием общепринятому против сосредоточения на собственном одиночестве вместо конкретной деятельности на пользу общества, выразил совершенно определенную уверенность, что «век блаженства» закончится, найдутся люди, которые разрушат бездумный мир равнодушия и апатии. Свобода обязательно наступит. Унификация мышления – самая главная опасность современного общества. Но будущее станет светлым, люди свободны, и никто не будет мыслить по указке господствующей власти.

Иржи Светозар Купка (1921–2017), прозаик и сценарист, в романе «Самый главный на свете человек» (1965) создал модель мира, где нет социальных перегородок. Это была мечта о некоем «чешском» или «третьем пути» для Чехословакии, которая могла бы преодолеть отрицательные стороны как коммунистической, так

и капиталистической системы, укладе, который образуется в результате синтеза или конвергенции (по А. Д. Сахарову) капитализма и социализма, синтеза тех их принципов и механизмов, которые способны лучше удовлетворять фундаментальные потребности человеческой природы.

Особо в связи с литературными устремлениями 1960-х годов следует сказать о Ладиславе Мнячко (1919–1994), словацком журналисте и писателе, выдающемся деятеле словацкой культуры XX в. В России о нем мало что известно: имеется лишь несколько статей В. С. Князьковой. В Словакии и Чехии творчество и личность Мнячко вызывали споры и противоречивые оценки, долгие годы замалчивались. Лишь в 2008 г. вышла довольно полная биография «Таков был Ладислав Мнячко» и в 2020 г. ее продолжение «Мнячко и Израиль» автора Йозефа Лейкерта¹⁶.

Мнячко не раз называли «красным Хемингуэем» и «чехословацким Солженицыным». Впрочем, существовал пласт так называемой чешской «лагерной литературы» (*vězeňská literatura*), выходившей в основном в канадском Торонто в издательстве 68 Publishers Шкворецких, пришедшей к массовому читателю в начале 1990-х. Карел Пецка и его роман «Письма из тюрьмы пропавшему без вести» (1980), воспоминания бывших заключенных, пострадавших в разные годы от коммунистического режима, такие как автобиографический роман Иржи Мухи (1915–1991) «Правдоподобное лицо» (1963), «роман-правда» «Подруги по дому печали» (1984) Эвы Кантурковой (род. в 1930 г.) — книга, еще в рукописи отмеченная премией Тома Стоппарда как лучшее произведение чешской и словацкой неофициальной литературы; сборники повестей Яна Бенеша (1936–2007), рассказы Иржи Странского (1931–2019), «Письма Ольге» (1985) Вацлава Гавела и другие сравнивались критикой прежде всего с произведениями Солженицына.

Мнячко состоял в КПЧ с 1945 г. Еще в 1939 г. он пытался бежать в СССР. С течением времени, разочаровавшись в идеалах коммунизма, осенью 1967 г. эмигрировал в Израиль, протестуя против отношения Чехословакии к арабо-израильской войне. Именно в связи с израильской эмиграцией А. И. Солженицын в книге «Двести лет вместе» упомянул Мнячко: «Спокойно снесший подавление

¹⁶ Leikert 2008; Leikert 2020.

Венгрии, Мнячко — словак, женатый на еврейке, — теперь настолько возмущен и взбудоражен, что покинул свою родину и в виде протеста отправился жить в Израиль». Далее А. И. Солженицын заметил, что готов разделить негодование Л. Мнячко, и обратил внимание лишь на крайность его чувств — «это при предыдущей долгой и угодливой терпимости к коммунизму»¹⁷. Спустя несколько месяцев Мнячко вернулся, но был лишен чехословацкого гражданства. В августе 1968 г. последовала длительная эмиграция в Австрию. Мнячко был исключен из Союза словацких писателей, его произведения — запрещены и изъяты из учебников. В 1989 г. он вернулся на родину в Словакию, но в 1993 г. переехал в Прагу, так как выступал против разделения Чехословакии. Это был вечный боец и неконформист, фигура противоречивая, человек, не боявшийся говорить правду, когда все боялись, и тот, кого самого боялись политики всех режимов. Как и в случае Солженицына, слава этого писателя, принципиального и бескомпромиссного, оказалась в прошлом, в настоящем же он чувствовал растерянность, не смог себя найти и после очередной смены места жительства, в 1994 г. умер.

В 1959 г. вышел в свет его первый роман о войне «Смерть зовут Энгельхен», он был переведен на русский язык¹⁸. В 1963 г. сняли одноименный фильм (режиссеры Ян Кадар, Эльмар Клос). А через несколько лет появились острые политические репортажи («Где кончаются пыльные дороги», «Запоздалые репортажи», 1963–1964) о зверствах коммунистов в 1950-е годы, об убийствах и судебных процессах. «Запоздалые репортажи» вышли на словацком языке в 1963 г. в партийном издательстве «Политическая литература», что было для Мнячко свидетельством изменений в компартии и ее желания покончить с прежними методами правления. В 1964 г. репортажи вышли на чешском языке, а под названием «Красный сад пыток» — в переводе на немецкий, и 300 тыс. экземпляров разошлись очень быстро. Эти репортажи сыграли для словаков и чехов ту же роль, что и «Один день Ивана Денисовича» (1962) для советских граждан. В 1966 г. вышел в свет второй роман Мнячко «Ночной разговор», воспоминания бывшего заключенного нацистских концлагерей. Эссе «Агрессоры» и «Седьмая ночь»

¹⁷ Солженицын А. И. Двести лет вместе: в 2 т. М.: Прозаик, 2013. Т. 2. С. 417.

¹⁸ Мнячко Л. Смерть зовется Энгельхен / пер. с чешск. Е. Аронович // Роман-газета. 1963. № 11. С. 1–112.

(1968) повествовали о последней неделе августа 1968 г. И в том же году увидел свет роман «Вкус власти» (*Ako chutí moc*). В 1966 г. роман выходил частями в журнале *Plamen* («Пламя»), но была выявлена схожесть героя с президентом Антонином Новотным (1904–1975), тщеславным, необразованным, ярким противником каких-либо реформ, и издателям пришлось публикацию тогда остановить.

В романе описываются похороны крупного партработника. Друг усопшего, фотограф Франк, вспоминает своего босса, с которым он прошел бок о бок десятилетия. Собственно, роман — это воспоминания о государственном деятеле, бывшем революционере, партизане, спасенном от бесславного конца собственной смертью. Основан он был, конечно, на реальных событиях и судьбах людей 1950-х годов.

Роман не был переведен на русский язык, но в 1990 г. удалось опубликовать отрывок из него в «Литературной газете». Вот размышления фотографа на похоронах своего соратника:

Франк в размышлениях вернулся к своему другу. Каким ты был? Когда ты понял, что предал сам себя? Чем ты отплатил за преданность, любовь? Брать. Всю жизнь ты только брал, греб, вместо ответной преданности снисходил до благосклонности, ты позволял, чтоб и другим перепало от своего величия. Ты уничтожил себя сам. Вождь, переставший себя направлять, уже не имеет права стоять во главе. Где? Когда? Почему ты сам себя оставил? Ради чего? Когда вдруг у тебя родилось это чудовищное убеждение в собственной значимости, что ты — это всё, и можешь позволить себе больше, чем мы <...> Может быть, существует и такое счастье — счастье власти. Показывать, что ты значишь больше других, можешь распоряжаться человеческими судьбами, совершенно независимо ни от кого, без страха ответственности, без отчета перед кем-либо <...> Бессмертие? Через 10 лет твое имя не упомянут даже в календаре <...> Власть не хороша и не плоха. Власть может быть добром. Или злом. Все зависит от того, кто обладает ею <...> Никого не жаль из тех, кто сам определил свою судьбу. Ты выбрал свой путь. Жестокий <...> Путь огромного напряжения, ведущий в никуда <...> Как же власть разлагает¹⁹.

Роман, который сам Мнячко характеризовал как «политический памфлет» и «документ времени», не потерял своей значимости

¹⁹ Мнячко Л. Вкус власти / пер. с чешск. И. А. Герчиковой // Литературная газета. 1990. 28 XI. № 48(5322). С. 15.

и сегодня, так как не только представляет конкретные реалии послевоенного прошлого Чехословакии, но и дает анализ власти вообще, ее необъяснимую притягательность, непогрешимость лидера, извращающего сами принципы верховенства права, дающего простор коррупции, неэффективность политики, вскрывает механизм разложения власти, которая, по словам Джона Дальберга-Актона (1834–1902), английского историка и политика²⁰, «развращает, а абсолютная власть — развращает абсолютно». Роман Мнячко стал самым жестким и бескомпромиссным судом над тоталитаризмом, а в короткий период оттепели 1960-х самым ярким произведением о государстве и власти.

Список сокращений

КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии

RAF — Royal Air Force

Литература

- Боярская 2010 — *Боярская А.А.* Проза чешской эмиграции 1980–1990-х годов. Автор. Герой. Повествователь: на материале творчества Л. Мартиника, И. Пекарковой, В. Тршешняка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 227 с. (рукопись).
- Герчикова 2021 — *Герчикова И.А.* Советская литературоведческая богемистика эпохи нормализации // Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 275–290.
- Князькова 2014 — *Князькова В.С.* Константа национальной идентичности Ладислава Мнячко в переменном потоке его самоидентификации // Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / отв. ред. М. Ю. Котова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. С. 89–101.
- Князькова 2016 — *Князькова В.С.* Ладислав Мнячко — «чехословацкий Солженицын» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 5–3(59). С. 20–25.
- Кузнецова 1980 — *Кузнецова Р.Р.* Роман 70-х годов в Чехословакии. М.: Советский писатель, 1980. 437 с.

²⁰ См.: *Дальберг-Актон Дж.* Очерки становления свободы / пер. с англ. Ю. Колкер. Москва; Челябинск: Социум, 2020. 317 с.

- Машкова (ред.) 2012 — Сборник статей по словацкой литературе, культуре, языку / сост. и ред. А. Г. Машкова. М.: Индрик, 2012. 568 с.
- Шерлаимова 2012 — *Шерлаимова С.А.* XX съезд КПСС и чешская литературная «оттепель» // Славянский альманах 2011. М.: Индрик, 2012. С. 292–305.
- Шерлаимова 2014 — *Шерлаимова С.А.* Милан Кундера и его романная философия. М.: Индрик, 2014. 272 с.
- Bartošek 2001 — *Bartošek K.* Český vězeň: svědectví politických vězeňkyň a vězňů let padesátých, šedesátých a sedmdesátých. Praha: Paseka, 2001. 317 s.
- Janáček 2007 — *Janáček P.* Socialistický realismus: Co s ním? // Kulturní týdeník A2. 2007. Č. 22. S. 1–16.
- Janoušek [a kol.] 2008 — *Janoušek P.* [a kol.]. Dějiny české literatury 1945–1989. Praha: Academia, 2008. Vol. IV. 1969–1989. 980 s.
- Janoušek [a kol.] 2012 — *Janoušek P.* [a kol.]. Přehledné dějiny české literatury 1945–1989. Praha: Akademia, 2012. 488 s.
- Knapík 2006 — *Knapík J.* V zajetí moci. Kulturní politika, její systém a aktéři. 1948–1956. Praha: Libri, 2006. 399 s.
- Leikert 2008 — *Leikert J.* Taký bol Ladislav Mňačko v historickom kontexte do roku 1968. Bratislava: Luna, 2008. 407 s.
- Leikert 2020 — *Leikert J.* Mňačko a Izrael. Martin: Martinus, 2020. 382 s.
- Pynsent 1992 — *Pynsent R.* Bití a bytí: Česká vězeňská literatura // Tvar. 1992. Roč. 3. Č. 47. S. 8–9.
- Šerlaimova 1952 — *Šerlaimova S.* O knize Aleny Bernáškové “Cesta otevřená” // Praha — Moskva. 1952. Roč. 2. Č. 1. P. 134–138.
- Vlašín 1971 — *Vlašín Š.* Padesát let KSČ a česká literatura // Česká literatura. 1971. Vol. 19. № 1/2. S. 1–29.

References

- Bartošek, K., 2001. *Český vězeň: svědectví politických vězeňkyň a vězňů let padesátých, šedesátých a sedmdesátých*. Praha: Paseka, 2001, 317 s.
- Boiarskaia, A. A., 2010. *Proza cheshskoi emigratsii 1980–1990-kh godov. Avtor. Gerroi. Povestvoovatel': na materiale tvorчества L. Martineka, I. Pekarkovoi and V. Trsheshniaka*. [Prose of the Czech emigration of the 1980s and 1990s. The author, the hero, and the narrator: based on Lubomír Maríinek, Iva Pekárková and Vlastimil Třešňák] Diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 227 p. (manuscript). (In Rus.)
- Gerchikova, I. A., 2021. Sovetskaia literaturovedcheskaia bogemistika épokhi normalizatsii [Soviet literary bohemian studies of the era of normalization]. In: Budagova, L.N., ed. *Mezhslavianskie kul'turnye sviazi. Rezul'taty i perspektivy issledovanií* [Inter-Slavic cultural ties: results and advanced research] M.: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 275–290. (In Rus.)

- Janáček, P., 2007. Socialistický realismus: Co s ním? *Kulturní týdeník A2*, 22, pp. 1–16.
- Janoušek, P. [a kol.], 2008. *Dějiny české literatury 1945–1989*, IV. 1969–1989. Praha: Academia, 980 p.
- Janoušek, P. [a kol.], 2012. *Přehledné dějiny české literatury 1945–1989*. Praha: Akademia, 488 p.
- Knapík, J., 2006. *V zajetí moci. Kulturní politika, její systém a aktéři. 1948–1956*. Praha: Libri, 399 p.
- Kniaz'kova, V.S., 2014. Konstanta natsional'noi identichnosti Ladislava Mniachko v peremennom potoke ego samoidentifikatsii [Constants of Ladislav Mňačko's national identity]. In: Kotova, M.Iu., ed. *Segmenty identichnosti v tvorchestve zarubezhnykh slavianskikh pisatelei* [Segments of identity in the works of foreign Slavic writers]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 89–101. (In Rus.)
- Kniaz'kova, V.S., 2016. Ladislav Mniachko – “chekhoslovatskii Solzhenitsyn”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 5–3(59), pp. 20–25. (In Rus.)
- Kuznetsova, R. R., 1980. *Roman 70-kh godov v Chekhoslovakii* [Novel of the 1970s in Czechoslovakia]. M.: Sovetski pisatel', 437 s. (In Rus.)
- Leikert, J., 2008. *Taký bol Ladislav Mňačko*. Bratislava: Luna, 407 p.
- Leikert, J., 2020. *Mňačko a Izrael*. Martin: Martinus, 382 p.
- Pynsent, R., 1992. Bití a bytí: Česká vězeňská literatura. *Tvář*, 3(47), S. 8–9.
- Mashkova, A. G., 2012, ed. *Sbornik statei po slovatskoi literature, kul'ture, iazyku* [Collection of articles on the Slovak literature, culture, and language]. Moscow: Indrik, 568 s. (In Rus.)
- Šerlaimova, S., 1952. O knize Aleny Bernáškové “Cesta otevřená”. *Praha – Moskva*, 2, 1, pp. 134–138.
- Sherlaimova, S. A., 2012. XX s"ezd KPSS i cheshskaia literaturnaia “ottepel”. *Slavianskii al'manakh*, 2011, pp. 292–305. (In Rus.)
- Sherlaimova, S. A., 2014. *Milan Kundera i ego romannaia filosofii* [Milan Kundera and his novel philosophy]. Moscow: Indrik, 272 p. (In Rus.)
- Vlašín, Š., 1971. Padesát let KSČ a česká literatura. *Česká literatura*, 19, 1/2, pp. 1–29.

Irina A. Gerchikova

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.

E-mail: geririna@inbox.ru

State and Authority in the Literature of Socialist Czechoslovakia. Ladislav Mňačko's "The Taste of Power"

This article focuses on attitudes towards state power in Czechoslovak literature in the period 1948–1989, which can be divided into three stages of development. The first decade (from the late 1940s to the late 1950s), when the state actively intervened in cultural life and developed methods of artistic creation management, was characterised by an unconditional acceptance and praise in literature of the gains of socialism (including the “industrial novel” and those about collectivization, such as by Alena Bernášková with her novel *The Way Is Open*; V. Řezač, who vividly expressed the pathos of socialist construction, his dilogy *Offensive and Battle*; Bohumil Říha; and the poets Jozef Kajnar, Jan Piláň, Vlastimil Školaudí). The second stage (from the late 1950s to the late 1960s) was marked with criticism of dogmatism and the search for a model of “socialism with a human face”, with the dream being a kind of “Czech” or “third way” for Czechoslovakia which could overcome the negative aspects of both Communist and Capitalist systems (Jiří Marek, Josef Nesvadba, Jiří S. Kupka and others). The third stage (1969–1989) was the era of “Normalization”, with the parallel existence of official sub-censored literature serving the interests of the state, as well as “samizdat” and émigré literature with harsh criticism and condemnation of totalitarianism (Milan Kundera, Josef Škvorecký, Egon Hostovský, Karel Pecka and others). The majority of attention is paid to the first and second stages since they are less known. The life and work of Ladislav Mňačko, a prominent Slovak journalist and writer is also examined. His work, undeservedly, is little studied. His novel *A Taste of Power* – is a political pamphlet and a psychological analysis of power and the mechanism of its decay; a harsh and uncompromising judgment of totalitarianism.

Keywords: literature of Czechoslovakia, socialist realism, management of artistic creativity, criticism of totalitarianism, Ladislav Mňačko

How to cite: Gerchikova, I. A., 2022. Gosudarstvo i literatura v sotsialisticheskoi Chekhoslovakii. “Vkus vlasti” L. Mniachko. *Tsentrāl'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 261–278. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.11.